

О МОИХ СОВРЕМЕННОКАХ*

Г.И. Ханин

Новосибирский государственный
технический университет

Khaning@academ.org

О Владимире Конторовиче. Из иностранных ученых-экономистов он, наряду с Элманом, был мне наиболее близок многие годы и до сих пор. С Конторовичем мы познакомились в середине 1960-х гг. Он был студентом экономического факультета НГУ и протеже Шляпентоха, что в наших отношениях было особенно важным. Шляпентох был близким другом его отца со студенческих лет, и когда тот трагически погиб в конце 1940-х гг., взял на себя в память о друге миссию заботиться о его сыне. Несомненно, по совету Шляпентоха Конторович поступил в НГУ. Он не учился у меня, мои курсы проходил уже после моего изгнания из НГУ. Поэтому познакомились мы благодаря Шляпентоху, который рекомендовал его с самой положительной стороны. А ему – меня, видимо с такой же характеристикой. Это заложило первоначальный фундамент наших отношений. В годы учебы Конторовича в НГУ у нас были отношения как старшего и младшего, так и единомышленников. Причем я старался, чтобы первый аспект играл небольшую роль в наших отношениях, и кажется, мне это удалось. Я знал жизнь Конторовича как студента только с его слов. Почти ничего не знаю и не пытаюсь выяснить о

его романтических увлечениях, и он мне об этом не рассказывал. Знаю больше по его рассказам, что он пользовался уважением и любовью товарищей за знания и за «гусарское» поведение, что не прочь был принять участие в дружеской попойке, а это довольно редко среди евреев. Нас сближала прежде всего высокая политизированность, «еврейскость». Мы могли часами обсуждать политические события в СССР, положение евреев и положение Израиля. Говорили и об экономике, причем и здесь нас сближало сходство взглядов: мы оба тогда были ярыми рыночниками. Об этом мы говорили и у нас дома, гуляя по Академгородку. Моя жена, не очень склонная принимать гостей, для Конторовича делала исключение и, учитывая ее хорошее понимание людей, это еще больше говорило в его пользу. Во время этих разговоров меня поражала необычная для его возраста зрелость мыслей: наш разговор не был разговором старшего и младшего, это был разговор равных. Иногда он оказывался прав, а я не прав. И уж в чем он бесспорно превосходил меня, так это в знании и понимании литературы, особенно поэзии. Конторович мог с огромным удовольствием читать мне стихи Бродского, Рейна, еврейских поэтов. Не знаю

* Статья продолжает публикацию воспоминаний. Начало в «Идеи и идеалы», 2011. – № 4 (10). – Т. 2.

точно, какова была академическая успеваемость Володи, не уверен, что всегда превосходная. А если учесть еще отнюдь не холопское отношение к начальству, близость к Шляпентоху и Ханину, которые становились в НГУ персонами нон грата, диссидентские настроения, то о его учебе в аспирантуре и работе в Институте экономики не могло быть и речи. И если сам институт его тогда особенно не привлекал, то Академгородок был им любим, и расставаться с ним было для него тяжело.

Володя получил распределение в Ижевск на оборонное предприятие, но, проработав там не более года, уволился и уехал в свой родной Киев. Все это время мы переписывались. В следующий раз мы встретились в середине 1970-х гг. в Киеве, куда я приехал по его приглашению на пару дней во время командировки в Москву. Он был уже женат, у него был маленький ребенок. Володя познакомил меня с мамой и женой. Мы долго гуляли по Киеву. Он был влюблен в Киев и с огромным удовольствием водил меня по этому прекрасному городу, рассказывая о его достопримечательностях. Он уже твердо решил к этому времени уехать в США вслед за своим учителем Шляпентохом. Наша встреча поэтому носила прощальный и довольно грустный характер, поскольку совсем не ясно было, увидимся ли мы когда-нибудь еще, принимая во внимание трудности с зарубежными поездками в СССР и относительную прочность тогда еще советской власти. Вскоре он уехал. К счастью, мы переписывались, и по письмам я понял, как ему было нелегко приспособиться к новым условиям жизни. Помощь Шляпентоха была важной, но отнюдь не заменяла собственных усилий. Он проявил тогда удивительное упорство и очень боль-

шие способности. Заново прошел многие предметы – сначала как студент, а вскоре и как аспирант, освоил английский язык, без чего его профессиональная карьера была бы невозможной. Областью научной деятельности стала, естественно, советская экономика. Если не ошибаюсь, уже в середине 1980-х гг. он был доктором и начал преподавать в довольно престижном католическом колледже.

Когда я в первый раз приехал в США в 1990 г., встреча с Володей, наряду со встречами с Игорем Бирманом и Владимиром Шляпентохом, была для меня одной из самых радостных. Я был тронут теплотой его приема. К этому времени произошли важные изменения в его личной жизни. Он развелся с первой женой и женился на своей бывшей однокласснице, в которую был влюблен еще в школе и снова встретил, когда она с родителями и детьми приехала в США. Она была математиком и быстро освоилась профессионально в американской жизни, работая по специальности в одном из крупнейших инвестиционных банков в США, зарабатывая значительно больше, чем ее муж-профессор. Невооруженным взглядом было видно, что у них прекрасные отношения. Меня просто потрясло, насколько Володя одинаково тепло относился к ее детям и своим. И те и другие в нем души не чаяли, и он не жалел времени и сил на общение с ними.

К этому времени Володя уже достаточно прочно чувствовал себя в профессиональной среде советологов и работал в значительной степени по заказам Пентагона как эксперт по советской экономике. У него, по советским меркам, были прекрасные жилищные условия, я пару дней прожил у него. Он возил меня в колледж и познакомил со своим коллегой, тоже специа-

листом по советской экономике. Мы много говорили о положении в СССР с тревогой и надеждой. Конечно, меня согревало его теплое отношение ко мне. Моя жена в это же время жила у родителей его жены в их небольшой нью-йоркской квартире.

Следующее наше общение было уже в Москве в середине 1990-х гг. Дело в том, что Володя и мой друг Майкл Элман сумели получить грант в одном из американских фондов на исследование истории развала советской экономики по воспоминаниям видных деятелей советской экономики периода перестройки. Сама идея такого исследования мне представляется исключительно ценной. Личные воспоминания могут пролить свет на события того времени. Так и случилось в действительности. В сборнике история развала командной экономики была описана с массой сенсационных и важных для ее понимания подробностей. Конторович предложил и мне написать для этого сборника. Я удивился: какой же я видный деятель перестройки? На что он обоснованно ответил: конечно видный!

Проще всего и интереснее для читателя было рассказать о том, как я задолго до перестройки пытался донести до «верхов» правду об экономическом положении СССР. Получились воспоминания. Жена придумала для них заголовки, до сих пор восхищающий меня, – «Непрошенный советник». Многочисленные зарубежные рецензенты высоко оценили сборник (российские его не заметили). Непременно выделяли в нем мои воспоминания.

Каждый раздел сборника завершался обширным комментарием Элмана и Конторовича. Это был просто шедевр (не побоюсь этого слова) экономической мысли. Я перечитывал эти комментарии несколько

раз и всегда поражался, насколько хорошо авторы понимали характер советской экономической системы.

При подготовке сборника мы раз или два встречались с Конторовичем в Москве, в любимом мною ресторане «Центральный». Он делился впечатлениями от бесед с бывшими советскими деятелями, поражался падаемости некоторых из них на деньги. Обсуждали мы и текущие события в России: с большим у меня и меньшим у Володи скептицизмом и тревогой. От былых наших надежд на обновление России мало что осталось.

В последний раз мы встретились с Володиной во время моего пребывания в Америке по приглашению Шляпентоха для участия в международной конференции в Мичиганском университете осенью 1998 г. Я остановился у него на сутки. Мы поужинали вместе с его женой Аллой и позавтракали уже вдвоем: Алла рано уехала на работу в Нью-Йорк. И опять это была теплая встреча двух хороших и старинных друзей. Он отвез меня в Колумбийский университет на встречу с узким кругом тамошних исследователей российской экономики во главе с Эриксоном – тем самым, который сделал себя имя препринтом о моих исследованиях по статистике в 1987 г. Я больше всего в этот раз говорил о том, что никакого капитализма в России нет, а есть современный уродливый феодализм. Через год в США появилась об этом статья Эриксона. Я в ней не упоминался.

С 1998 г. наши отношения поддерживались с помощью писем, потом с помощью электронной почты. Он присылает мне свои статьи, приобретает по моей просьбе книги или ксерокопирует нужные мне работы. Его статьи по-прежнему очень содержательны. Переписка по

электронной почте одно время носила чуть ли не ежедневный характер. Мы обсуждали в ней и наши личные новости, и политические новости в России, США и мире. Володя становится все более религиозным и сионистски настроенным. Его дети все поженились или вышли замуж. Они пошли по стопам родителей и занимаются научной и преподавательской деятельностью. Он уже неоднократно дедушка и увлечен своими внуками, как раньше детьми. Часто бывает в Израиле. В России давно не был и, кажется, его не тянет в Россию. Я возмущаюсь, что его не приглашают в качестве преподавателя новосибирские вузы, где его сокурсники занимают видные административные должности. Все еще не перестаю возмущаться, хотя пора бы и привыкнуть, что в современной России, среди так называемой элиты, ума и чести намного меньше, чем даже в советской, где их тоже не было в избытке.

О Майкле Элмане. Наше знакомство состоялось в сентябре 1967 г. Мы только что получили квартиру (тогда в Академгородке преподавателям НГУ их давали почти сразу после заключения брака, нам – через два месяца). Прекрасным летним днем меня пригласили в ректорат НГУ и познакомили с куратором КГБ по НГУ. Он объяснил, что в Академгородок без предварительного уведомления и приглашения (это было строго запрещено) приезжает стажер МГУ – экономист из Англии. Меня попросили его встретить, так как у нас близкий возраст, специальность и я знаю английский. Плохо знаю. Неважно: он неплохо говорит по-русски. Когда надо ехать? Немедленно. Самолет через полчаса приземлится в Толмачево. А как же я его узнаю? Могу я посмотреть фото-

графию? Фотографии нет. Но вы его узнаете, он будет отличаться от других. Я не видел смысла отказываться: мне это было даже интересно. Мне дали машину, и мы помчались в Толмачево. Приехали, когда пассажиры уже входили в зал прибытия. Почти сразу я увидел действительно необычного по внешности, похожего на очень популярного в прошлом министра иностранных дел Англии Атони Идена, довольно хрупкого молодого человека с продолговатым лицом и маленькими усиками. Я подошел к нему и спросил по-русски: Вы Майкл Элман? Он был поражен – не ожидал, что его встретят (плохо он знал наши порядки!). Я представился, и мы поехали в Академгородок. Он поселился в «Золотой Долине». Вечером я показывал ему Академгородок. Он собирался посетить на следующий день Институт экономики. Дома срочно собрали родных и решили, что нужно устроить прием в его честь. На следующий день я его пригласил к нам в гости. И вот наши чудесные женщины быстренько подготовили небольшой банкет, как это умеют делать в России. Пригласили молодое поколение – 7–8 человек. Всем было не более 30 лет. Еда и питье были разложены на небольшом столике. Когда он вошел и увидел, сколько собралось народу и как уставлен стол, он оторопел. Майкл всем сразу понравился своей интеллигентностью, изящными манерами, грамотной речью на хорошем русском языке. Все много шутили, произносили тосты, была масса расспросов и, конечно, выпивка и закуски, от которых становилось еще веселее. «Как молоды мы были, как искренне любили, как верили в себя!». Это был незабываемый вечер, и я уверен, что Элман его помнит до сих пор, как и мы.

Пару следующих вечеров мы гуляли по Академгородку. Городок тогда был очень чистым, уютным, с большим количеством молодых, интеллигентных жителей, и он явно понравился Майклу. От пребывания в Институте экономики у него было, сколько мне помнится, смешанное впечатление. Что-то ему нравилось, многое не нравилось. Особенно технократический подход к экономике и слабое знакомство с западной литературой и идеями. И это при том, что этот институт тогда был несравненно сильнее нынешнего по составу. Мы много говорили с ним о состоянии экономики СССР и ее перспективах и сошлись, что ей надо переходить к рыночному социализму, что в СССР тогда было большой крамолой. Эта идея на многие годы была основой нашей дружбы. В связи с этим мы много говорили о нэпе, который мы ценили. Я помню, как Майкл удивился, когда я поделился с ним соображениями о знаменитой книге Карра «История русской революции», которую я читал в спецхране в Ленинграде. Видимо, его русские коллеги с ним ее никогда не обсуждали. На меня сильное впечатление произвело глубокое понимание им проблем советской экономики. Мы понравились друг другу (химия, как это называл Бовин). Договорились переписываться. Обменялись семью-восемью письмами за год. Потом произошли чехословацкие события и резкое обострение внутриполитической обстановки. Пару раз куратор КГБ интересовался, как настроен Элман. Я его успокоил: дружественно, хотя прекрасно знал, что ему многое в СССР не нравилось. В 1969–1970 гг. его письма приходили надорванными, их читали и не скрывали этого. Я понял, что переписка становится опасной и с тяжелым серд-

цем прекратил ее (с родными в Израиле я продолжал переписываться, как и с Конторовичем). Элман на меня не обиделся, он прекрасно понимал, что у нас происходит. Наша переписка возобновилась через 18 лет. За это время Элман превратился в одного из крупнейших и уважаемых специалистов по советской экономике (я следил за ним по литературе), а я стал соавтором «Лукавой цифры». Следующий раз мы встретились только в 1992 г. в Москве. Встретились в гостинице, где он остановился. Он не сразу меня узнал. Видимо, я сильно изменился за эти 25 лет (на мой вопрос: «Вот я воюю уже 25 лет с советской властью, и как ты меня находишь?» брат моей жены сказал: «Вы оба здорово сдали»). Нам было что рассказать друг другу. Ведь произошло так много событий, пока мы не виделись. Когда мы встретились в первый раз, он был холостяком. За это время женился и у него уже было двое взрослых детей. В начале 1970-х гг. он из Англии переехал в Нидерланды и в 1980-е гг. стал профессором очень престижного Амстердамского университета. Жизнь его в эти годы, в отличие от моей, была довольно благополучной. Говорили о личной жизни, о делах в России и сошлись на мрачной оценке хода экономических и политических реформ, шоковой терапии. В середине 1990-х гг. мы встречались дважды и оба раза в Нидерландах. Один раз я принимал участие в конференции по российской статистике в Гронингене, другой раз выступал по его приглашению на бизнес-факультете Амстердамского университета. В этот последний раз я побывал у него дома, познакомился с милой женой и сыном. Был и в его кабинете на факультете. Меня порадовало, что в

его кабинете и дома, и на работе был такой же художественный беспорядок, как и у меня. Мне за него часто достается от жены, и тогда я вспоминаю Элмана: вот видишь, и у него не лучше. Тогда она на время отстает от меня. Но помимо личных встреч мы очень много переписываемся. Обмениваемся новостями – и политическими, и экономическими. Посылаем друг другу свои публикации. Я восхищаюсь качеством его публикаций по экономике России: хорошо структурированы, ясное понимание происходящих в стране процессов, лаконичная речь. Он хвалит мои. Уверен, искренне. Часто я прошу его прислать мне иностранные книги и статьи, которые не могу достать в Новосибирске. В последнее время его тревожит моя увлеченность авторитаризмом, положительные высказывания о Сталине. Хотя и понимает их причины (несколько лет назад он прислал мне с положительной оценкой книжку одного английского автора, который блестяще показал, что самыми выдающимися государственными деятелями России были Иван Грозный, Петр I и Сталин). И я понимаю его озабоченность. Мягко напоминает о моих ошибках в прогнозах после кризиса 1998 г. (что правда) и в 2009 г. (будущее покажет, ошибся ли я). Я могу напомнить о моих полностью удавшихся прогнозах в 1970–1990 гг., предсказание кризисов 1998 и 2009 гг. Без ложной скромности скажу, что просто не знаю аналогичных удачных прогнозов российской экономики ни в России, ни за рубежом. Но свои замечания и несогласия Элман выражает очень корректно.

Об Эрнесте Генри. Книги Генри я впервые прочитал еще в Ленинграде в начале 1960-х гг., и они меня потрясли.

Он в середине 1930-х гг. выпустил на Западе две книги: «Гитлер против Европы» и «Гитлер против СССР». В этих книгах, которые тогда потрясли Запад, а вскоре и советских граждан (они были быстро переведены на русский язык), Генри раскрывал планы Гитлера по захвату Западной Европы и СССР. Эти планы сбылись на 80 %. Гитлер внес Генри в число самых опасных англичан, которых следует ликвидировать при захвате Англии. Кто был на самом деле Генри, мало кто знал (думали, что он англичанин). Лишь в начале 1960 гг. его имя снова замелькало, теперь уже на страницах советской печати, а вскоре он стал известен также как автор антисталинского письма Эренбургу. Потом вышли очень яркие его статьи по разным международным вопросам, совершенно отличающиеся по тональности от обычных советских. Я был убежден, что у него есть очень влиятельные покровители в советском руководстве. Узнал его домашний телефон и сказал, что хотел бы с ним встретиться по очень важному вопросу. Как старому конспиратору (с 1919 г.), ему был понятен такой язык. Мы с ним встретились в вестибюле Дома писателей. Это был крепко сложенный, невысокий, немолодой (ему было тогда 75 лет) мужчина. Я кратко рассказал о смысле моей работы и передал свой нелегальный текст. Я не сомневался, что он его покажет кому надо. Уже при первой встрече он рассказал мне некоторые эпизоды своей биографии. В частности, о псевдониме «Генри» он сказал, что взять его ему посоветовала секретарша Герберта Уэллса. Потом мы встречались с ним еще несколько раз. Некоторые эпизоды произвели на меня наибольшее впечатление. Во-первых, высоко оценив мою работу,

он сказал: «Вы пишете, что рост остановится, но после этого он может и вообще перейти в минусовый». Тогда мне казалось это невозможным.

Второй раз – он отправлял детские вещи по почте, а я его ждал. Отправив, он сказал: «В Англии это заняло бы в 10 раз меньше времени». Меня заинтриговало, кому он посылал детские вещи. Только много лет спустя я узнал из печати, что он познакомился с 18-летней девушкой, она в него влюбилась и родила ему ребенка (теперь он известный журналист) и он оформил с ней отношения.

В третий раз – мы попали в сильный ливень, зонтов не было, я нервничал, а он сказал: «Чего Вы нервничаете, дождь полезен».

О нем много писали в России и за рубежом после 1990 г. Выяснилось, что он был евреем, вступившем в коммунистическое движение в 16 лет, многолетний агент Коминтерна и НКВД, впоследствии и сотрудник КГБ (так что мои работы от него знали и в КГБ, и в ЦК КПСС, и крупные экономисты).